чают» («Наука поэзии» Горация, с. 400—401). Ясно, что слово «сим» в данном случае означает «этой книжкой», «этой работой». В части «Науки поэзии», откуда взят эпиграф, говорится о том, что делали первые великие поэты: толковали божественную волю, покоряли своим пением силы природы, вели воинов в сражение и т. д.[20] Выходит, что то, что три стихотворца делают в этой книжке, может в каком-то смысле быть таким же важным и необходимым, как эти великие деяния первых поэтов.

В чем же именно состоит с точки зрения самих стихотворцев их «делание» в «Трех одах», «делание», которое должно снискать им «честь и славу»? Может быть, само сочинение стихов в представлении трех поэтов было достаточным, чтобы снискать славу, т. е. для них еще живо представление Симеона Полоцкого и его последователей о «магии стиха», о самоценности стиха? Это сомнительно или по крайней мере недостаточно. Может быть, честь и слава должны быть возданы трем стихотворцам за то, что они подвизаются в сфере подражания и состязания? Подражание и состязание — две основные функции поэта с точки зрения европейской культуры;[21] представление об этом действовало — хотя и в приглушенной форме — и в древнерусской литературе. Ронсар хвалился тем, что соперничал с Пиндаром и превзошел Горация. Здесь же стихотворцы состязаются не только друг с другом, но и с царем Давидом, который также был поэтом.

Может быть, наконец, честь и слава суждена трем стихотворцам за то, что они исследуют законы искусства, и, познавая их, творят новую словесную культуру, новую поэзию. Этот ответ до некоторой степени также может быть справедлив. В его пользу как будто говорит первая фраза предисловия, непосредственно следующая за эпиграфом. В ней с гордостью заявляется, что российские стихи, «ныне, после как начали исправлять их охотники (т. е. в первую очередь три стихотворца, — *А. Ш.*), уже в совершеннейшем виде и с приятнейшим слуху стоп падением, нежели как старые бесстопные были, производятся от писателей, искусных в стихотворении» (3).

Эпиграф содержит еще одно существенное указание на то, как воспринимали себя участники состязания. Слова Горация divinis vatibus — божественные поэты-пророки, поэты-прорицатели — восходят к платоновской концепции божественной вдохновенности поэта. Перевод, напечатанный в эпиграфе «Трех од», полностью исключает такое понимание. «Честь и слава» суждены «искусным стихотворцам», т. е. поэтам, обладающим мастерством, знанием. Именно такое представление о поэте характерно

---

[20] См. прозаический перевод этой части, выполненный Тредиаковским, в кн.: *Тредиаковский В. К.* Сочинения. СПб., 1849, т. I, с. 113.

[21] См.: *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература. — В кн.: Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981, с. 5; *Панченко А. М.* История и теория (Рец.). — Русская литература, 1981, № 3, с. 204; *Highet G.* The classical tradition. Greek and Roman influenses on western literature. Oxford, 1949, p. 104, 131, 146, 231. 247.